

Иванов Андрей

ЭТО ВСЕ ОНА

Пьеса

Действующие лица:

Мать

Сын

Тоффи

Тауэрский ворон

Монолог 1

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. Комнаты разделены чем-то большим, чем просто стена.

МАТЬ (разговаривает с подругой): В тот день было особенно холодно... Середина ноября. Я купила эту идиотскую птицу у мужика с большими руками. Вообще непонятно, как он этими огромными лапищами держит крошечных попугайчиков – даже когда он ловил его, мне казалось, что эта птичка - не жилец. Он засунул птицу в мою клетку, она стала метаться, забилась в угол, и затихла. Нет, не умерла, просто затихла. И я понесла ее домой.

Был жуткий ветер, пронизывающий. Я пыталась ее спрятать от ветра, закрывала своим пальто. У меня пальцы сделались как деревянные... И вот я прихожу. И стою, как дура, перед своей дверью. Знаешь, я часто так теперь стою. Думаю: позвоню и услышу шарканье Ваниных тапок по коридору. И вот так бы вечно стояла, кажется – стояла и слушала это шарканье. Но все равно достала ключ и открыла – сама. Потому что Костя мне не открывает. Он никому не открывает. А когда я спрашиваю его, почему он не открывает... (у меня же сумка, пакеты в руках – неудобно ключ доставать!) он говорит, что не слышал звонка – сидел в наушниках у компьютера.

Так что я открыла сама тогда. Зашла – кричу ему: Костя! Смотри, кого я принесла! Кое-кто хочет с тобой познакомиться! И, знаешь, вспомнилось его лицо из детства – когда дети чему-то искренне рады, у них лицо прямо расплывается – ямочки на щечках, искорки в глазах... И вот, я вспомнила, как Ваня ему подарил попугайчика на день рождения. Костя так радовался, так улыбался, ему все хотелось потрогать пальчиком ножку этого попугая – все повторял «Ветацька» - ну, веточка – ему казалось, что у птицы ноги – из дерева. Они такие морщинистые, тонкие... Но птичка сдохла через несколько дней – не знаю почему. У ребенка истерика. И я сказала – все, никаких животных в доме. Костя как-то просил щенка, умолял, но я из любви к нему, понимаешь, из любви... сказала: нет. Зачем лишние переживания?

И вот, я стою в прихожей, как дура, жду его, зову. А он не идет. А я знаю, что он меня слышит. Птица эта сидит на полу клетки, глаза зажмурила. Я разозлилась. Я все делаю, чтобы как-то наладить контакт, после того, что случилось, как-то разрядить атмосферу... А он...

Я захожу на кухню, ставлю эту клетку на стол, начинаю мыть тарелки. Наконец не выдерживаю – ору: КОСТЯ!!! Через несколько секунд слышу – он вышел из комнаты,

идет. И вот он заходит. Смотрит на меня. Я говорю: Костенька! Смотри – кто у нас будет жить! Помнишь – ты же любишь птичек... А он смотрит на меня... Ты знаешь, он так страшно на меня смотрит... Это давно началось, еще при Ване. Он так смотрит, как будто я глубоководная рыба. *(слезы в голосе)* Изучает меня. Я говорила Ванечке – что-то не так. Костя – холодный, в нем нет любви, в его возрасте это странно. А Ваня говорит – это подростки, что ты хочешь? Все с ним в порядке!

Бедный мой Ванечка... Нет-нет все нормально, со мной все хорошо...

Ну вот... Он на меня смотрит этим ужасным взглядом. Потом на птицу. И потом, представляешь, разворачивается и уходит. Молча. У меня прямо руки задрожали. За что он так со мной? Это же издевательство – мне и так нелегко. И я хватаю эту долбаную клетку, подбегаю к окну, открываю его, оттуда - ветер, морось... Я открываю клетку, птица орет, я трясую ее, она бьется, но остается в клетке... И я вытряхиваю ее наконец – на холод, она орет, бьет своими маленькими крыльями, но с ветром справиться не может, и ее уносит куда-то, и я слышу ее крик, и я реву...

ПАУЗА

Я не знаю прямо что на меня тогда нашло... И теперь я не знаю, куда поставить эту клетку. Я читала где-то, что в нее можно поставить свечку, и будет такой оригинальный подсвечник, знаешь, огонек в клетке... Но я ее ставлю и сюда, и туда, и мне все не нравится и не нравится...

СЫН (ведет анонимный видеоблог): Когда она приваливает, то сразу не открывает дверь. Стоит с той стороны, слушает через дверь, чем я тут занимаюсь. Тип что я колеса жру, или шпильюсь тут с кем-то. Бесит. А потом начинает звонить. А я не открываю. Тип я в наушниках сижу. А потом ебет мне мозг – типа неужели не слышно звонка? Нет, говорю, не слышно.

ПАУЗА

Только Мэрилина Мэнсона слышно.

И вот она заваливает, слушает через дверь опять. Думаю: так, блэт... Потом она заходит и орет. Ну, у всех моих девяти подписчиков есть мать, и вы, тип, в курсе, как это бывает. Все время она орет. Как будто мое имя нельзя спокойно говорить. Все время орет, прикиньте. Она, типа, даже не замечает это. И орет, что со мной кто-то хочет познакомиться. Думаю - приперла щенка. Она же тип хочет дружить со мной. А у меня никогда не было щенка. Хотя он мне вообще не всрался.

Но никогда не было.

А знаете, главное не показывать ей, что ты типа сдался. Что типа ты такой сыночка-козиночка мармеладный. Пошла ты знаешь куда со своим щенком? И я такой молчу. И она тут из кухни как заорет. И я типа медленно так иду на кухню, захожу.

А это - не щенок.

Приперла пиздокрыла какого-то мокрого. И она стоит вся кринжовая такая, пырится на меня – типа ну что? Очешуенная я мамка? Тип замутила мне праздник. Тип я теперь охуеть и не встать должен. И я такой представляю, что бы батя сделал – он бы чё-нибудь ржачное сказал, какая-то ржомба хотя бы была. И мне бы все равно было, что это не щенок. Типа мне и воробей бы этот мокрый понравился. И она бы с этим лицом не стояла, не пырилась бы. Они бы с батей пососались, и он бы ее похвалил.

А его нет. И она пырится. У меня вообще с нее подгорает. Ненавижу ее. Ничего она не умеет. Вообще все ненавижу. Вообще, прикиньте, хочется, чтобы все пропало. Чтобы дом сгорел, чтобы она тоже умерла, чтобы школу взорвали, чтобы я остался вообще один. Я на заброшенный завод цементный пошел бы жить. Жил бы как бомж, чтобы никого не было. Только чтобы телефон с интернетом был. Я бы его подзаряжал на вокзале в толкане, а больше ничего не надо.

Ну и короче. Я смотрю на этого воробья, думаю – кек, воробей. На ноги его смотрю, а они такие шершавые, тип как ветки. И такой молчу и ухожу на чиле. Слышу – она зашебуршала в кухне. Агрится, жесь, клеткой этой громыхает, воробей орет, окно хлопает... Короч, тип выбросила воробья, и сидит там, сопли размазывает.

Ну и хуй с тобой, думаю.

А сам в окно смотрю. А там холод, жесь. И мне так плохо стало, ну тип не болит ничего, но все равно. Думаю: я с тобой вообще больше никогда не буду разговаривать.

Вообще никогда замечать тебя не буду.

И начинаю на «Ютубе» видосы смотреть – ну типа, знаете, где люди с великов падают, лбом в стены, там, или яйцами на забор... И смотрю – и сам не знаю зачем. И ржу – громко, чтобы она слышала. Прямо дико рофлю. А внутри хуево очень. Тип мне внутри плакать хочется, а я угораю. А она ревет там.

А сегодня я нашел перья зеленые на клумбе. Наверное, кошка воробья сожрала.

МАТЬ: И я даже холод чувствовать перестала. От обиды, наверное. Окно-то я не закрыла. И вдруг я понимаю, что ужасно замерзла. И слышу – он смеется в комнате. Представляешь – смеется! Очень громко. Мне даже жутко стало.

А потом я поняла – он надо мной смеется.

Вроде как я дура. Истеричка. Вроде как я – не мать, а так, клоун какой-то, который готовит и стирает...

Как Ванечки не хватает... Он бы сказал мне что-то, какие-то слова как специально для меня, которые бы успокоили, обнадежили... Я иногда ищу эти слова в себе – говорят, что как бы образы людей отпечатываются в нас, да? Ищу, но не нахожу ничего, не слышу его голоса. Ой, ладно, не буду, а то расплачусь опять сейчас...

Ну, вообще, слышу я его смех, и думаю – все, хватит с меня. Я иду к нему, и говорю так холодно, твердо...

СЫН: Заваливает ко мне и говорит: тип хватит угорать. Я тип такой: хочу и буду угарать, хули будет. Она такая тип: хватит. И такая: помойку вынеси, пропылесось, помой посуду, вытри пыль...

МАТЬ: Говорю: слишком много свободы у тебя, не знаешь, как ей распоряжаться? Если некуда девать энергию, так я направлю ее в нужное русло. Нет, ну я не права? Я все понимаю, но я не железная. Нужна жесткость. И, говорю, почисти костюм отца...

СЫН: И она такая тип: почисть его костюм. А его костюм... Он висит в шкафу. Его. Он как раз в нем был... Это последний его костюм. Она этот костюм оставила. А костюм весь чистый.

На нем только одна капля крови. На рукаве. Маленькая.

И тип она такая вся кринжовая стоит и говорит мне – почисть костюм. То есть, тип эту каплю очисти. Сука, ну... Зачем она вообще этот костюм оставила? И тип почисть.

МАТЬ: И он вдруг, не поверишь, встает и говорит: ладно, мама. Я почищу костюм.

СЫН: А она такая: и еще тип помойку вынеси... А я такой мармеладный весь: конечно, мамочка... Я почищу костюм.

А внутри думаю – убил бы ее нахуй.

МАТЬ: И ты знаешь, я расслабилась, думаю, может он осознал, что обидел меня. Вроде как раскаялся. И я ушла, на кухне ковыряюсь, думаю про этот костюм. Ну, я тебе рассказывала. Это, конечно, страшная вещь. Но это не просто вещь. Вот он висит в шкафу, и я знаю, что его всегда там можно найти.

Ну, то есть как бы, что смерти нет.

Я в любое время подхожу к шкафу и глажу его, этот костюм. А еще на нем запах Ванин. Он этот запах очень любил... «Deer Red» называется, я ему покупала на годовщину, такой квадратный флакон... И запах, знаешь... Вот, как свежая древесина теплая, на солнце...

И вот я иногда стою и нюхаю. И даже не плачу. Как-то светло внутри... Глажу пиджак этот. И думаю – лишь бы не смотреть, лишь бы на рукав не смотреть... Потому что там эта капля – она, как дырка от пули.

Капля – это и есть смерть.

И так мне стало спокойно, что он согласился это сделать. Почистит пиджак – и ему самому станет легче.

СЫН: Такая вся размякла: тип хорошо, говорит, тип почистишь и почилим вместе, чаю попьем. На глаза себе свой чай вылей, думаю.

Она часто стоит возле шкафа, нюхает этот костюм, фетишистка, блять. Я вижу. Это крипота полная. А мне страшно. Мне, если честно, охуеть, как страшно этот шкаф открывать. Я мимо этого шкафа на цыпочках хожу. Ну пох, потерплю. Почищу я этот костюм, сука.

МАТЬ: И, представляешь, я домываю посуду, слышу – он в ванной...

СЫН: Я в ванной. Взял нож такой тонкий - для бумаги – и, блять, чищу костюм!

МАТЬ: И звук какой-то странный, не похоже, что кто-то трет ткань... И слышу – он плачет – тонко, как девочка...

СЫН: А я смеюсь так, типа, знаете, как Джокер, и чищу и чищу этот ебанный костюм.

МАТЬ: Забегаю – а он полосует его лезвием каким-то. Вот всё: не пиджак, а лохмотья... И пахнет керосином... У меня шок...

СЫН: И она такая сразу – как змея – как зашипит на меня...

МАТЬ: Что же ты делаешь, дурачок, - я ему говорю. А у меня руки трясутся...

СЫН: А я смеюсь.

МАТЬ: А он все плачет...

СЫН: Поджег зажигалкой, он как полыхнет...

МАТЬ: Это всё горит, пламя прямо до потолка, он плачет, я растерялась. Потом уже кран включила, когда он порядочно обгорел... Я его вытаскиваю, отряхаю, а Костя вытирает рукавом лицо и так мне спокойно говорит...

СЫН: Говорю ей тип: мама, я почистил костюм. Я пойду поиграю. Или серик посмотрю. И ушел так на чиле, расслабленно.

МАТЬ: И он уходит такой сгорбленный, напряженный весь, представляешь, а я сижу, у меня слезы, и хочется его избить прямо ремнем, наказать, как-то, а у меня только слезы текут, и я вдруг понимаю, что вот это всё черное, искромсанное к себе прижимаю, и глажу его и глажу...

ПАУЗА

СЫН: Ставьте лайки, бейте в колокол. Подписывайтесь на мой канал охуительных историй.

Диалог 1

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. Они улыбаются.

МАТЬ: Ты знаешь, это ужас. Я стала за него так бояться. Вот он в интернете сидит целыми днями. Вот что он там делает? Ведь сейчас, знаешь, в интернете есть эти, педофилы. Под разными, там, именами регистрируются и соблазняют подростков. Или «Синие киты». Это группы смерти. Сволочи всякие детьми манипулируют, чтобы они себя убивали. Дети потом из окон выпрыгивают. Это кошмар. А еще же куча всего.

(шепотом) А вдруг он в организации какой-то запрещенной состоит? Я, знаешь, в дни, когда митинги были, ему придумывала какие-то задания. Чтобы из дома не выходил. Однажды в такой день я ему даже ноутбук купила, кстати. Чтоб он никуда не пошел. Ну и это сработало. А еще я недавно узнала, что через интернет наркотики продают... Ну а что мне думать? Я же как будто не знаю его совсем. Молчит и молчит... Но это еще не самое страшное.

Вот, раньше я боялась, что вот группы эти, или организации, или что он пьет, или курит, или наркоман, или что-то такое. Он же не пускает меня в свою жизнь. Его как будто нет. Теперь я боюсь... Что он... Подожди, я соберусь... Я боюсь, что он... Го... Понимаешь, *(шепотом)* гомосексуалист. Ну, гей, как там этот кошмар еще называется...

Понимаешь, он не общается с девочками. Ни разу не видела. И не слышала. Он говорит, у него там есть какой-то друг, ровесник со школы. Я его не видела. И он бежит вроде бы с ним встречаться, гуляют они. Иногда он допоздна задерживается. Понимаешь меня? Нет, я не придумываю, он очень много с ним общается. Поверь, это странно. И вот я подумала, а что если он – вот такой? Это же конец. Это же... Я видела одно ток-шоу. Там они были. Несчастные люди, вырожденцы, убогие... Мне стало жутко. Что если вот я, мать, проморгала этот момент? Что если он насмотрелся в интернете или по телевизору чего-то такого, и все – его жизнь сломана?

О чем ты, я, конечно, не могу с ним об этом говорить. Ну как ты себе это представляешь? Мне даже это слово тяжело произносить, а тут – у сына спросить такое? Нет, это кошмар.

Я кое-что придумала поинтереснее. И знаешь, у меня успех *(улыбается)* Педагогический успех, я бы сказала. Новый метод. Я решила выяснить это исподволь. Целую шпионскую операцию провернула.

Я пошла в интернет *(садится за компьютер)* Изучила их этот новояз подростковый – ну знаешь, все эти кеки, хайпы, мемы, все эти улыбочки странные из скобок, троек, двоеточий... И поматериться пришлось. Да, это ужас, но они же любят так выражаться. Думаю, ради блага ребенка можно и поматериться.

Вобщем, создала такую девочку в социальной сети. Придумала ей экстравагантную биографию, чтобы потаинственнее. Завела страничку – фотографию поставила такую жутковатую немного – красивая девочка в черном платье и у нее такая татуировка на всю руку в виде змеи. В современной музыке немного разобралась – поставила в интересах все эти кошмарные группы, которые он любит, пару фраз в статусе – из Ницше. Выбрала самые циничные – подростки любят что-то заумное и циничное. Потом добавила каких-то случайных ребятков в друзья, перепостила у них всякие картинки глупые, музыку, подождала несколько дней...

Ну, вобщем всё сделала, чтобы создать иллюзию того, что это настоящий человек...

Ну и нашла его профиль – а там... Ой, ужас такой. Все какая-то тьма, мрак, картинки с висельниками, какие-то лезвия... И страничку он назвал – «Тауэрский Ворон». Думаю – ну что тебе еще надо – я все для тебя делаю, чтобы ты был счастлив, а нет – все тебе не

так, все тебе вороны какие то, рожи эти страшные и группы эти, где не музыка, а рев...
Ой. Ну ладно...

И вот я его страничку этой таинственной девочкой добавляю в друзья. А, а назвала я ее
Тоффи – ну, как конфетки, знаешь?

Я полайкала его эти кошмарные картинки. Вроде как мне нравятся эти его висельники.

А он осторожный. Молчал долго. Не отвечал.

*Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Они разделены не такой непреодолимой
границей, как МАТЬ и СЫН. СЫН оживает, начинает клацать клавишами
компьютера. МАТЬ тоже печатает.*

ТОФФИ: Привет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Только не пиши: «Как дела?» Это пошло.

ТОФФИ: А я знаю, как у тебя дела.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как?

ПАУЗА

ТОФФИ: Хуево. Это по твоей странице видно

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Угадала. СМАЙЛ. Твоя фотка?

ТОФФИ: Конечно. А как может быть чужая? Ты че гонишь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ты какая-то странная... Все на фотки ставят какой-нибудь
зашквар или аниме сраное, только не себя.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не знаю. Не любят себя, наверное. Или из-за прыщей.

ТОФФИ: А это твоя фотка?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да.

ТОФФИ: Ты себя любишь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну камон. Не люблю. Но фотка все равно моя.

ТОФФИ: А кого ты любишь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Никого.

ТОФФИ: И я никого!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты откуда?

ТОФФИ: Я из Санкт-Петербурга приехала.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А у нас говорят - Питер

ТОФФИ: Все, кто не из Санкт-Петербурга, говорят «Питер». СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ахахах. Норм панч. СМАЙЛ. А что такое «таксидермия?»

ТОФФИ: Искусство создания чучел из животных. У меня отец – таксидермист.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуево. Лол. Кек. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Это что значит? Хорошо или плохо?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хорошо. Ну ты реально странная. Балдёж. СМАЙЛ

ТОФФИ: СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты давно у нас в городе?

ТОФФИ: Неделю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как тебе?

ТОФФИ: Норм. Балдеж. А ты чем занимаешься?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ничем. Учусь. Стихи пишу.

ТОФФИ: Лол кек.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что «кек»? Что смешного?!

ПАУЗА

ТОФФИ: Эээ... Ничего. Стихи? Интересно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тебе интересно?

ТОФФИ: Да. А скинь свое.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не.

ТОФФИ: Реально, скинь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну блэт... Не хочу. Долго искать.

ТОФФИ: Ты на «кек» обиделся? ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Камон. Че мне обижаться. Норм всё.

ТОФФИ: Жалко. Что стихи не покажешь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты чем занимаешься?

ТОФФИ: Ну блэт, учусь. Помогаю маме, блэт. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я ору, как ты «блэт» пишешь. СМАЙЛ. Не в строчку.

ТОФФИ: Почему орешь? Как не в строчку? В строчку пишу. А надо как? Столбиком?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Блять, ты меня троллишь что ли? СМАЙЛ

ПАУЗА

ТОФФИ: Нет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ок, забей. А по фотке и не скажешь, что ты такая доча-милаша мармеладная.

ТОФФИ: В смысле?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну тип «Маме помогаю».

ТОФФИ: Ну я помогаю. Просто люблю маму. *ПАУЗА* А вообще, блять, я по кладбищам гуляю. Убегаю из дома.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я ору! Мамку любишь, а из дома убегаешь.

ТОФФИ: Ну, когда... заebet совсем.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А по кладбищу не ссыкотно в соло ходить? Там зомби. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Нет. Там так тихо. И спокойно. Я там думаю о вечности...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ

ТОФФИ: ...Блять.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что?

ТОФФИ: Я там думаю о вечности, блять.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Гык. СМАЙЛ.

ТОФФИ: (*вкрадчиво*) А ты маме своей помогаешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нет.

ТОФФИ: Вообще не помогаешь? По дому.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Она умерла.

ПАУЗА

ТОФФИ: Умерла?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да.

ТОФФИ: А с кем ты живешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Один... С батей.

ТОФФИ: Значит, умерла?...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Лол, бля, ещё раз спроси.

ТОФФИ: Извини. *ПАУЗА*. А с батей, значит, все норм?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Норм. Ровно всё. Мы с ним ездим на рыбалку. И в волейбол... Он балдежный.

ТОФФИ: А мама была не балдежная?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Вообще не балдежная. Орала.

ПАУЗА

МАТЬ: (*разговаривает с подругой*) Ты знаешь, даже давление тогда поднялось. Я подумала, что зря я все это затеяла. И вот такие страшные слова пришли: он меня не любит. Он меня не любит. Так обидно, тебе не передать. Ведь я для него – всё... А он меня видит в гробу, понимаешь? Я расплакалась тогда. Но так. Тихо. Чтобы он не слышал в своей комнате.

Я вообще почти всегда так плачу. Знаешь, это как чихать, зажав нос. Такое рыдание внутри. Ну, конечно, иногда я плачу и при нем, чтобы он понял, что расстроил меня. Ну вообще, это было ужасно... И разозлилась я тоже, конечно. Я едва все это не закончила. Но потом собралась. Ради блага моего ребенка. Думаю: я это придумала, чтобы выяснить очень конкретные вещи. Умерла у тебя мать, ладно. Умерла так умерла. Главное для меня - понять о тебе... Что с тобой все в порядке... Что ты – не гей...

СЫН: (*ведет анонимный видеоблог*) И, короч, она заткнулась. Телка эта сасная. Я думаю – че докопалась до меня? Тип жалеет меня или что? Ну, то, что я ей сказал про мать. Тип плачет, может. Ну, знаете, бабы плакать любят. Ну в смысле, дорогие подписчики, то есть подписчицы. Короч, если среди вас телочки, то сорян. Но вы же рили любите поплакать. У меня в классе вот есть Еремова такая. Она тоже вся разнылась, когда я на стадионе на физре на арматуру упал, ногу пропорол. Такая ревет, говорит, что ей меня жалко, что у нее эмпатия. Блять, не эмпатия у нее, а хайпожорство: тип пусичка вся такая перед классом. Ревела-ревела, шкура, а ко мне потом в больницу не пришла проведать. Никто не пришел.

Блядь, не класс у нас, а одни дебики.

А потом думаю – с чего бы ей этой телке питерской реветь? Она меня не знает вообще. Мало ли у кого родители мертвые. Может, она не отвечает, потому что жрёт. Или на очке сидит... Че я пиздостраданием занимаюсь? Думаю о ней – делать больше нечего. Пошла она в жопу. Тян не нужны. Мне и в соло нормич. Закрывл ваше диалог. Думаю, ща пару каток отыграю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты тут? Тоффи? Тоффи? Камон! Че пропала? СМАЙЛ

ТОФФИ: Я тут. Как у тебя в школе дела?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да блэт, что за вопросы?! Пошла она нахуй эта школа сраная!

ТОФФИ: Ну ладно, сорян.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ничего. Как подумаю, что на школу трачу жизнь, сразу депра какая-то валит. Это же нам не пригодится во взрослой жизни. Если бы еще школа норм была, так у нас полусовок какой-то. Я вообще хочу свалить отсюда. В Европу в универ поступлю. Не люблю школу, короч. Ты что ли любишь?

ТОФФИ: Нет. У меня репеты... Ну, репетиторы. Школьную программу дома прохожу.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Балдеж. СМАЙЛ

ТОФФИ: А у тебя есть друзья в школе?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: У меня тип там только один друг.

ТОФФИ: А что за друг?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну друг и друг. Просто друг. Мы... по заброшенному заводу лазим вместе. Чилим. Флексим.

ТОФФИ: Флексите?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну блэт, просто болтаем. Гуляем.

ТОФФИ: И больше ничего?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а че ещё то надо?

ТОФФИ: Нет, ничего. СМАЙЛ

МАТЬ облегченно вздыхает

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хочешь – го на завод. Тоже полазим? Там круто. Только собаки бродячие, но ты не ссы – со мной не страшно. СМАЙЛ

ТОФФИ: Не знаю. Вряд ли.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Почему?

ПАУЗА

ТОФФИ: У меня аллергия на ультрафиолет. Я только ночью гуляю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты че, гонишь? Ты – фейк?

ПАУЗА

ТОФФИ: Нет. Редкая болезнь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ммм. Ты тип как вампир.

ТОФФИ: О, точно. Как вампир.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: По ночам шляешься, кровь пьешь. СМАЙЛ

ТОФФИ: Ну.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Но ты и днем не спишь. Щас же день. Значит можешь и днем.
СМАЙЛ

ТОФФИ: Что могу днем?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Кровь пить днем.

ТОФФИ: Типа могу.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ. А ты в вампиров веришь?

ПАУЗА

ТОФФИ: Ну... Да...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты же готка, вампиры тебя должны переть.

ТОФФИ: Что меня должны делать вампиры?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну переть, ну, типа нравиться должны. «Сумерки» всякие, Дракулы... Это же для телочек всех вампиров придумали... СМАЙЛ.

ТОФФИ: Я не телочка.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Извини, девушкам, я имел в виду...

ПАУЗА

МАТЬ. (*разговаривает с подругой*) И, знаешь, мне как-то стало даже самой легко – вот так просто, разговаривать с ним, пусть даже так – как бы не по-настоящему, но вроде бы мы с ним никогда не разговаривали так близко, так честно... И пусть он говорит, что хочет мне смерти, пусть! Пусть я половину не понимаю, из того, что он говорит, ищу эти слова в «Google». Все равно, знаешь, как будто у меня внутри какую-то плотину прорвало. И я даже решила проверить – насколько ему это важно. И я ему крикнула: Костя!

СЫН. И она тут опять орет мне. Прикиньте, а эта тянка как раз ответ пишет. Я так разозлился – думаю: ну отъебись ты уже! А сам ей кричу: Я занят!

МАТЬ: Кричу ему: а в кино не хочешь сходить?! Я дам денег! А он мне – нет! Я уроки делаю! (*улыбается*)

СЫН: У нее же без выпендрёжа не получается. Всё строит из себя Мать Года. Кино мне начала предлагать, пирог, говорит, хочешь испеку? Иди ты в жопу, думаю, со своим пирогом и кино свое знаешь куда себе засунь, и кричу: не мешай! И уши надел.

СЫН надевает наушники. МАТЬ счастлива

МАТЬ: Понимаешь, мне стало так легко на душе... Наконец то я нашла к нему лазейку, малость, но что то в этом было настоящее, очень ценное. Теперь я поняла, что он не гей, теперь я поняла, что мой Костик – нормальный... Мой сын, оказывается – настоящий

мужчина, романтичный, правда немного грубоватый. Ой, ты знаешь, это действует, как наркотик... (возвращается к компьютеру)

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. А ты про себя еще расскажи.

ТОФФИ. А что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Что хочешь.

ТОФФИ. У меня есть маленький брат. Я о нем забочусь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Кайф. А у меня нет братьев.

ТОФФИ: Я о нем забочусь, а он не ценит.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В смысле?

ТОФФИ: Мрачный такой ходит. Со мной не разговаривает.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Может, ты не знаешь, что ему нужно? Может, живот у него болит?

ТОФФИ: Может. Не знаю. Я уже устала.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а поговори с ним, рили. По чесноку. По-настоящему.

ТОФФИ: Я говорю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А он чё?

ТОФФИ: А он говорит, что лучше бы я умерла.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуя себе малыш. СМАЙЛ. Заебал?

ТОФФИ: Заебал.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Лойс тебе.

ТОФФИ: Что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты мне нравишься. Очень. Я даже не хочу других фоток твоих просить.

ТОФФИ: Ты мне тоже. А зачем другие фотки?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну а вдруг это фотошоп, а ты на самом деле страшная. Или вообще фейк. СМАЙЛ

ТОФФИ: Я не страшная и не фейк.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Лан, верю. Ты не думай, я не дровер.

ТОФФИ: Фу!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Сорян. Ну в смысле... А девушки не боятся, что на их фотки дрочат?

ТОФФИ: Нет. Не знаю. Мне пора идти...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну камон, забудь вообще про дрочку. Я хэээ, прост накидал случайно... Не хотел сказать такое, бля... Это всё Т9. ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ

ТОФФИ: А что ты хотел сказать?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я хотел сказать, что ты клевая. Не исчезай, ладно? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Ладно. Мы встретимся тут завтра.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Правда? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Правда. Спокойной ночи тебе.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А тебе - беспокойной ночи. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ты же ночью гуляешь. Вампир.

ТОФФИ: Да, точно. Схожу сегодня на заброшенный завод.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока

ТОФФИ: Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты еще тут?

ТОФФИ: Ну да.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Пока.

Монолог 2

Мать и сын в своих комнатах. У сына в комнате горит настольная лампа. У матери в комнате горит свеча, запертая в клетку.

СЫН: *(ведет анонимный видеоблог)* Привет, мои девять подписчиков! Вы, короч, все равно не узнаете, как меня зовут, как я выгляжу и где живу, чтобы меня захейтить. А еще комменты выключены, и поэтому я продолжаю охуительные истории про тьян из интернета и всех остальных.

Прикиньте, думал о ней весь день. Как она там ходит по своей новой квартире. Ходит, а везде чучела со стеклянными глазами... Не, ничо конкретное не думал – просто тип

представлял себе, как она ходит. Тип, знаете, как привидение – белая такая, как мел. Ну как на фотке. И брат ее не любит. И отец ее из всех чучела делает. Она одна такая ходит.

Тип как я.

Кстати, про мел. Химица сегодня на уроке опять мел жрала, прикиньте? Жесть, как так можно? У меня, говорит, дети, кальция не хватает, не обращайтесь внимания. Блэт, да как на такое не обращать внимания? Сидит, толстая, в шали этой своей, как с вокзала – и хрум-хрум... И белые крошки эти ей на сиськи сыплются... Тут уже не просто рофлы, тут вообще полное ебобо.

Мне иногда кажется, что я на каждом уроке это вижу. Все учителя сидят перед нами и жуют мел. И из пастей у них такие белые струйки... И они медленно заставляют всех нас тоже мел жрать. Хрум-хрум, блэт. Пока у нас тоже белые слюни не потекут. Хожу в школу, и типа как чувствую, что у меня внутри все этим мелом заполняется... Пиздец, вообще. Отстойный день был.

Целый день думал с ней потрещать. Но я через телефон на уроках почти не сижу – у меня зашкварный тариф еще, медленно грузится всё. Да и контру сегодня писали... Но я думал. Думал на большой перемене сбежать к Маку, через маковский вайфай посмотреть, что она мне написала. Но не побежал. Ай, думаю. Че я, как дебик, буду бегать.

Прихожу домой. Комп врубаю – блэт, света нету. Я заагрился, кружку разбил даже случайно. Думаю: она, наверно, меня ждет там. Ей, наверно, и поговорить не с кем, хэээ. Я видел – у нее там 10 друзей каких-то хикканов и готок тупых.

А мне она статус «Лучший друг» поставила...

Хожу по дому, как дебик. Чувствую - сквозняк. Думаю – наверно, эта опять форточку оставила, дура. Холодно. Зашел в ее комнату, закрыл окно. Смотрю – а там клетка эта стоит. Ну, помните, с воробьем. Смотрю – а она туда свечку запёрла. Ну вы прикиньте! Что за кринж дикий! Она сама его выбросила, и потом сама еще свечку ставит. За упокой, блядь, души! Ну выброси ты эту клетку! Но нет – и пиджак батин она нюхала, и на клетку эту пырится теперь!...

Так слушайте дальше. Я со злости ее кровать пнул... Ну, не ее, а их с батей кровать. И, прикиньте, там что-то под покрывалом на пол упало. С кровати. Что-то, блэт, большооооо! Я поднимаю покрывало. И знаете, что там? Знаете, блядь, что? Дилдос! Здоровенный синий резиновый хуй! Черный властелин просто в сторонке курит нервно! Мне так противно стало. Я стою в шоке. Стоял, не знал, что делать.

Это, знаете, я как первый раз порнуху увидел. В 11 лет. Не мог поверить, что люди могут такое делать. Это как-то выглядело для меня тогда... Ну как будто убийство. Что-то такое, капец, жуткое. Неестественное.

Но потом меня попустило. Ну в смысле – сейчас. Я даже орнул. Сходил, плоскогубцы взял в кладовке. Взял синего властелина плоскогубцами. Ну не руками же его брать... Из клетки свечку вытащил, положил рядом. А член туда поставил. Вместо свечки. Пусть

постоит, думаю, будет сюрприз. Стою, смотрю, ору со своего творчества. Слышу – она пришла. Я – быстро в комнату свою...

МАТЬ. *(разговаривает с подругой)* Ой, день был тогда такой дурацкий. Да Рафаэловна со своей базой всю плешь проела... И Светка... Ну представь, за три месяца они собирают в рабочее время всех, чтобы решить, где корпоратив на новый год заказывать! За три месяца! И меню! Это все - на три часа. В нашем бабском-то коллективе! А у меня базы той и половины нет! Я ей говорю – Светочка, без меня решите, мне все равно, я на все согласна. А она губки бантиком сделала, знаешь, как она умеет: «Танечка, я не принуждаю, но ты же знаешь – у нас коллектив...». Она может... Вацлавна у нас работала, бабулька, так они на ножах были. Ее Светка премии лишила за то, что та ее с днем рождения не поздравила! Ну, не в открытую, конечно... Нашла повод. Вобщем, Рафаэловна косится. Ей агенство уже гневные письма шлет. Но это еще не самое страшное.

Светка в конце этого сборища меня еще и душой выставила. Говорит: «А вот Таня, наверное, все наши решения документировала – все совещание в ноутбуке сидела». Представляешь? Взяла меня, и выставила перед всеми – я даже не знала, как среагировать. Заулыбалась. Ну ей-богу, как чучело какое-то. Вечно я у нее какой-то козел отпущения. Все, конечно, захихикали неодобрительно так - вроде как я на важном совещании левыми делами занималась... Я работала! Я туда работать прихожу! Смех и грех. Ай, ну их.

Думала я о том, правильно ли поступаю. Ну, с Костей. И так думала и эдак. Может, из-за этого базу не сбила. Решила, что нет в этом особо ничего плохого все же. Что это даже меня как-то волнует. Я о нем думаю теперь. Что же там у него происходит... Что он чувствует...

Прихожу домой, лифт не работает, опять света нет. И, знаешь, как-то шевельнулось внутри. Я вот думала, что с ним приду сейчас, пообщаюсь. Ну не я, а Тоффи, ты понимаешь. А света нет. Компьютер не работает. Как-то испортилось настроение сразу.

А я ведь уже столько всего придумала, что у Тоффи за день случилось.

Поднимаюсь, стучу. Он не открывает. И тут, вдруг странное чувство такое возникло. Точнее отсутствие чувства. Понимаешь, я стою у двери и не жду шарканья Ваниных тапочек. Ну, как бы я смирилась со смертью Ваниной. То есть я стою перед дверью и отчетливо знаю, что там только Костя.

Ну, и что он мне не откроет.

Открываю, захожу – тихо. Говорю: «Костя, я пришла...». Он молчит. К двери его подхожу тихонько – слышу – он хлюпает носом. Опять плачет. Не стала стучать. Наверное, из-за пиджака, думаю. Совесть. Или по отцу тоскует. А я простила его уже, да. Ну, мужчины не любят, когда видят их слезы, думаю.

Пусть себе поплачет.

Захожу к себе в комнату... И там... Ну, знаешь... Страшный беспорядок. Кровать перебуроблена вся, все разбросано... Он... Там валялся, наверное, на кровати, пока меня

не было, телевизор смотрел. А я... Ты же знаешь, как я к порядку отношусь. Очень строго.

А, света не было, точно, да.

Ну, значит, он смотрел телевизор, когда свет был. У нас в спальне... У меня в спальне помнишь, какой телевизор - плазма, большая диагональ... Костя в детстве любил у нас на кровати лежать. Ляжет между нами и мы «Дискавери» про животных смотрим, с чаем. Ну, тогда, конечно, другой телевизор был...

Ну так вот, я разозлилась ужасно. Очень разозлилась. Даже самой стыдно. Ну должны же быть у человека границы? Своя территория? Пусть он в своей комнате что хочет делает, а моя комната – это моя комната! Я побежала прямо к нему. Говорю – да что же это такое! Что же это за неуважение такое? А он лежит на кровати - глаза красные от слез. Ну, думаю – ничего. Плачет он! А когда я плачу – будто ко мне какое-то сочувствие есть!

СЫН: Слышу – топает, орет. Заваливает ко мне – больная, ручку на двери чуть не сломала. Прикиньте, подбегает, ухо как закрутит, завизжит, как свинья. Не понравился ей член в клеточке. Такая тип: не смей больше типа ко мне в комнату входить! Замки повешу! Я говорю ей – вешай свои замки, делай там, что хочешь! Говорю – быстро ты отца забыла. Я там твоего хахалю в новую квартиру определил, как ему, нравится?

Она как схватит джинсы мои выходные – на стуле висели, и как давай меня хуярить джинсами – больно, по морде прямо, но мне как-то пох. Так пусто внутри становится. Она бьет, а мне пох. Я сразу начал думать, про то, как из дома уйду. Думаю: чтобы бомжом жить, ничего не надо сжигать не надо. Просто все забыть и все. И жить на заводе. Или к тятю из Питера этой попрошусь жить – ненадолго. Пока работу не найду. А потом буду жить на заводе, в каморе, ходить на работу. А к тятю буду ходить мыться и одежду стирать...

МАТЬ: И, понимаешь, все бы ничего, если бы он не начал дерзить. Я ему говорю разумные вещи: не входи ко мне в комнату, я запрещаю, если ты не умеешь уживаться с другим человеком, а он дерзит. Я очень сильно, конечно, тогда его отругала. А он еще тогда сказал мне... Обвинил...

Сказал, что я забыла Ваню быстро.

Представляешь? Как ты такое можешь говорить, спрашиваю у него. Откуда ты знаешь, что у меня в душе творится? Если бы ты знал, говорю, сколько у меня боли... Ой...

Он сидит, красный весь, молчит. Думаю, все, хватит. Ушла я из его комнаты. Как-то начала приходить в себя. Думаю, ничего. С Гоффи поговорит, успокоится.

Ей можно все рассказать... Да и я успокоюсь...

СЫН: Сижу, а передо мной эти джинсы валяются. Трогаю волосы – а там – кровь. Наверное, пуговицей на джинсах. Сижу, и мне как-то... пиздец. Не могу объяснить. Никак. Понимаете? Вообще ничего нет. Слепоглухонемой. Как будто и она и все-все-все очень далеко от меня. Только о питерской девчонке этой думаю. Как она там?

И тут свет дали.

МАТЬ: Я на кухне возилась. Ужин готовила. Неблагодарному этому... Вся в мыслях своих... И вдруг радио как заиграет! Я чуть нож себе в руку не воткнула.

СЫН: Я врубаю комп. А там – «Перенаправление». Блять! Деньги свои считаю – не хватает. Не буду у нее просить, думаю. Даже из комнаты не выйду. Я за телефон. Думаю, пусть медленно, пусть хоть как – но я с ней поговорю...

МАТЬ: Дорезала я салат, и пошла к компьютеру - в свою комнату. Ну, там все убрала... Как раз, с работы шла, за интернет заплатила, деньги должны были прийти... Думаю, ну надо же его утешить. Он же обижен. Захожу – точно, он тут как тут. Сидит уже. Ну, онлайн.

Диалог 2

Те же. Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН

ТОФФИ: Привет! СМАЙЛ

ПАУЗА

ТОФФИ: Привет! Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Привет. СМАЙЛ. Извини, на телефоне инет медленный...

ТОФФИ: На телефоне? А почему ты не через компьютер?

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А за инет не заплачено.

ТОФФИ: Понятно... Как дела?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нихуево.

ТОФФИ: То есть хорошо?

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да.

ТОФФИ: А по тебе не скажешь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В смысле по мне? Ты что, по аватарке умеешь отдуплять как у кого дела?

ТОФФИ: Нет, шутка. СМАЙЛ. Ну, все хорошо?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, все охуительно. А у тебя как дела?

ТОФФИ: И у меня хорошо. Я была ночью на твоём заводе.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И как тебе?

ТОФФИ: Балдеж.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, там под старыми конвейерами камора. У нас с другом.

ТОФФИ: Камфара?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Камора. Ну, каморка. Комнатка.

ТОФФИ: СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: О, инет врубили. Перебираюсь за комп.

ТОФФИ: СМАЙЛ.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Там диванчик. Он с мусорки.

ТОФФИ: Фу, с мусорки. Это же не айс. Клопы.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да нет там клопов. Стол из ящиков. Это тайный штаб, как у Брюса Уэйна.

ТОФФИ: Норм. И что вы там делаете?

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Клей нюхаем.

МАТЬ в ужасе.

ТОФФИ: Что?!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да я рофлю. Ничего не делаем. Болты пинаем. Я тебя туда свожу.

ТОФФИ: Потом когда-нибудь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Поскорее бы. Расскажи, что у тебя.

ТОФФИ: У меня брат... Зашкварился.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что сделал?

ТОФФИ: Ну, он взял, залез в мою комнату. И взял мою одну секретную вещь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Че за вещь?

ТОФФИ: Мой дневник. Охуительно секретный дневник. Он почитал. И... рофлил с него.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты что?

ТОФФИ: А я ударила его... Втащила. Теперь совестью мучаюсь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, заслужил же, не парься. Меня тоже мать однажды избила. Она совестью не мучалась.

ТОФФИ: А может, мучалась.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мне похуй.

ТОФФИ: А еще отец сегодня чучело сделал.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Какое?

ТОФФИ: Козла. Такой глупый козел. Нелепый. К нам приходили гости и все на козла смотрели.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А почему козла?

ТОФФИ: Не знаю. Потому что козла еще не было. Тупой козел. Все над ним смеялись. Пальцами показывали. А мне за него было жечь как обидно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: С хера ли тебе было обидно?

ТОФФИ: Ну, он, может, совсем не хотел, чтобы вот так его выставляли перед всеми, и ржали. Может, он хотел просто траву щипать, а после смерти под землей спокойно сгнить.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Козлов еще едят. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Да, козлов еще едят. ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Но я понимаю этого козла, если по чесноку.

ТОФФИ: Да?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да. Я в седьмом классе в телку...

ТОФФИ: В девушку.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: В девушку. Ну, типа влюбился. И, короче, сказал ей.

ТОФФИ: И что она?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Она сука была. Всему классу растрепала.

ТОФФИ: А что растрепала?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, блэт... Что я ей стихи по телефону читал.

ТОФФИ: Ты стихи пишешь?!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну типа. Я же тебе говорил. Еще почитать хотела.

ТОФФИ: Ой! Я забыла. Хуево! То есть нихуево! То есть охуительно! Это я про стихи. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, типа я ей читал стихи. Сначала она трубку подняла. Я и читал, debil. А потом, когда дочитал, мне из трубки Филей говорит: «Молодец, долбанавт, хорошие стихи...».

ТОФФИ: Филей?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, это был такой debil из девятого класса. Он в колонии сейчас. Такой мудака, жесть. Оказывается, она с ним встречалась тогда. И просто они... Решили типа орнуть с меня... Она тип ему трубку дала, и он слушал... Суки... Надо мной все смеялись. Как над тем твоим козлом... А потом я вообще в другой класс перешел.

ТОФФИ: Ну, суки. (*угрожающе*) А фамилию этой девочки не знаешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну знаю. А нах тебе?

ТОФФИ: Да не, так. СМАЙЛ. А скинь свои стихи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не.

ТОФФИ: Скинь, мне очень интересно. Я не буду... рофлить. Честно. Я люблю стихи.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, блэт... Щас, найду...

ТОФФИ: Жду.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН:

Когда просится сердце на волю
Днем коротким иль ночью длинной
Душу я опою алкогoлем
Душу я окурю никотином

И цирроз разовьется душевный
Стану сильно я болен душою
Поместят меня в госпиталь, верно,
Для таких же болезных изгоев

Там я буду лежать на кровати
И глядеть на облезлую стену.
Бредя, ночью, сестру буду звать я,

Утром буду себе резать вены

За окном моим тополь зачахнет –

Сорок дней я не буду смеяться.

Когда ветер зимою запахнет,

Я пойму что пора собираться

Я одену пиджак из сукна

Я возьму с собой два чемодана

Темной ночью шагну из окна

И исчезну в сплетеньях тумана.

ТОФФИ: Балдежно. А ты что – куришь и пьешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да нет. Ну, бля, не в этом же суть...

МАТЬ облегченно вздыхает

ТОФФИ: Извини, кайфовые стихи. Круто.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо. Никому не давал его читать. Тебе дал.

ТОФФИ: Круто. Мне приятно. Посыабкиии!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Фу, блэт, вырубает, когда так говорят. Скажи просто – спасибо.

ТОФФИ: Спасибо. У тебя талант, рили.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо.

ТОФФИ: Только мрачные такие.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Что?

ТОФФИ: Стихи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: На себя посмотри СМАЙЛ. Ты же гот гёрл.

ТОФФИ: А, точно. СМАЙЛ. Вообще не пьешь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, пиво иногда. Редко.

ТОФФИ: Пиво – это плохо. Это... Хуево.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо, «мама»... СМАЙЛ

МАТЬ встревожена

ТОФФИ: Я не мама... Я - Тоффи.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну тогда чё ты мне про пиво тут... Типа сама не пьешь. И не куришь. Все гот гёрлы курят.

ТОФФИ: Нет, я не пью. И не курю. Мне нельзя. С болезнью.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А если бы болезни не было – бухала бы?

ТОФФИ: Нет, не бухала бы. СМАЙЛ

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. Я написал щас: «мама», так прикольно. Я это слово давно не говорил.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я ее называю «она». Ну, в смысле, называл. Она такая... К ней это слово не подходит. Не подходило.

ТОФФИ: А почему?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну в детстве я ее так называл. Мамой. Тогда она норм была. А потом у нас случилось кое-что хуевое, и она изменилась.

ТОФФИ: А, может, это ты изменился?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И я тоже изменился. Но все равно. Я не могу к ней придти и сказать: «Привет, мама!». С ней нельзя тип просто норм поговорить. Она все время унижается передо мной, или орет. Орала. И била даже. А так хуево... Потому что я все равно к ней хочу. А не могу. Иногда хочется просто прийти, ее обнять и стоять так долго. А иногда хочется убить. А все равно орём друг на друга. Орала. Ай, она умерла все равно, не важно.

МАТЬ плачет

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи? Ты тут?

ТОФФИ: Тут.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я тебя загрузил своими проблемами? Сорян.

ТОФФИ: Ничего. А неужели все, что ты о маме помнишь, хуевое?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не. Не все, говорю же. Она мне сказку в детстве читала. Я ее любил. Про Питерпена. Знаешь? Там про пацанов, которые летали, про пиратов и телку.

ТОФФИ: Девочку. Венди.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, точно, девку. Она типа с ними улетела, и там жрать им готовила, они типа ее уважали...

ТОФФИ: Они хотели, чтобы Венди стала их мамой.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Точнямба! Я и не помню уже.

ТОФФИ: А Питер Пэн выстрелил в нее из лука...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да! Там еще они думали, что убили, а в реале – не убили. Класс, нам одни сказки читали!

ТОФФИ: Класс.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И там еще непонятно было – типа этот Питерпен говорит, что типа ты моя мама, а сам с ней как будто встречался. Такая, странная хуйня, кек. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Да, странная хуйня...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А я потом в детстве, когда засыпал – представлял, как моя кровать, типа вся в этом порошке...

ТОФФИ: Волшебной пыльце...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну тип да. И как она поднимается и через окно летит на этот остров, а я такой лежу и смотрю вниз – а там страны разные, моря... Такая смешная хуйня была, лол. СМАЙЛ. А она, после того, как сказку почитает, говорит: засыпай тип быстрее, и тогда во сне попадешь на этот остров...

ТОФФИ: И попадал?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Снилось пару раз.

ТОФФИ: Я тоже эту сказку в детстве очень любила. И тоже представляла, как я у летаю из окна в ночной рубашке... И сыну своему тоже буду ее читать.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Откуда ты знаешь, может, у тебя дочка будет...

ТОФФИ: Нет. Сын. Я точно знаю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: СМАЙЛ. Ты классная. Давай встретимся. Ну, ночью. Я приду на завод...

ТОФФИ: Ты мне тоже очень нравишься, но - нет, я поздно гуляю.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А когда ты спишь?

ТОФФИ: Днем. До обеда. Я уже выпалась.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Блэт, ну че за динамо? А когда увидимся? Я не буду приставать, честно. Просто хочу тебе завод показать.

ТОФФИ: Я уже видела завод. Приставать? А ты уже приставал к кому-нибудь?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Приставал. У меня и секс был.

МАТЬ в ужасе

ТОФФИ: С кем?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну так я тебе и сказал. СМАЙЛ. А у тебя?

ТОФФИ: А у меня... Тоже был.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Гонишь. СМАЙЛ.

ТОФФИ: Ты тоже гонишь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, гоню. Ну и че?

ТОФФИ: Ну и ниче. СМАЙЛ

МАТЬ облегченно вздыхает.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты на заводе каморы нашей не видела. Го на завод? Давай погуляем.

ТОФФИ: Нет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Бля... ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ. Ты точно не фейк?

ТОФФИ: Я настоящая. Под конвейерами камора?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Под конвейерами.

ТОФФИ: Я туда ночью приду и оставлю кое-что для тебя.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Очень хочется с тобой погулять.

ТОФФИ: Потом когда-нибудь.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты очень красивая. И хорошая. И мы похожи с тобой.

ТОФФИ: Чем?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну, блять. Мы одни. Никого не любим. Ну и жизнь у нас ваще жопа полная.

ТОФФИ: Наверное.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Рили. Нам надо погулять.

ТОФФИ: Ладно. Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Подожди!

ТОФФИ: Что?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Слушай, у меня инет в телефоне медленный. Я буду завтра днем онлайн, в школе, но очень медленно отвечать буду, ок?

ТОФФИ: Хорошо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: У меня тариф дешманский, и смартфон еще старый, лагает дико. Он у меня падал пару раз...

ТОФФИ: Пока.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока...

Монолог 3

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. МАТЬ разговаривает с подругой. СЫН ведет анонимный видеоблог.

МАТЬ: ... Да, погода – ужас. Давление – второй день. Нет, голова не болит, а, знаешь, такое состояние дурное... Какие-то мошки перед глазами... Слушай... Ты бы мне не могла до пятого денег одолжить? Нет, немного... Да, понимаешь, купила ему телефон новый. Ну, скоро день рождения, а я как раз нашла телефон, как он хотел – не такой дорогой, как в салоне. Ну, знаешь, они эти гаджеты, эту мишуру всякую любят. Мальчишки... Спасибо... А так в целом, нормально. Ну, что – работа-дом... С Костей? Ну, в реальности – не очень общаемся. Как было – ничего не изменилось. А в интернете... Да тоже редко переписываемся...

СЫН: Прикиньте, телефон мне купила. Айфон шестой. Я прихуел. Странно, да. Говорит – на день рождения тебе. А он только через неделю. Ай, пох на нее, че у нее там в голове... Главное – с тьян из интернета можно щас нормально балакать. Мы до сих пор не виделись. У нее же болезнь, или боится она меня... Она говорит, что она не фейк, и я ей верю почему-то. Я ваще, прикиньте, кажется, не знаю... Ну вот, реально, сны про нее вижу... Я ей тоже нравлюсь. Ну, знаете, по-настоящему. Не так, как я Зубиковой нравлюсь – это такая страшилка у нас из класса. Сидит, пырится на меня, как удав. Вот не так, а по-настоящему, когда люди узнают друг друга хорошо, все друг другу доверяют... А трещим мы очень часто с питерской девчонкой. Да ваще – большую часть дня. А на выходных – так и весь день. А в школе я под партой сию тоже с телефоном, пишу ей. Она такая балдежная...

МАТЬ: Да, почти не переписываемся, знаешь, времени сейчас особо нет... А в реальности с ним очень трудно, ты же понимаешь. Я клетку эту вчера оттираю от воска – чувствую: он сзади стоит. Я испугалась, поворачиваюсь: он говорит – выброси клетку. Я говорю – моя клетка, что хочу, то и делаю...

СЫН: А я ей типа: камон, это моя клетка – это ты мне воробья того принесла! Выброси клетку – бесит! Ты же сама воробья и убила! Ну, знаете, просто поагрить ее захотел. Мне пох на эту клетку, конечно, но ей не пох – она помнит, как я в нее синего властелина поставил – она первый раз ее с тех пор из комнаты вынесла... И она начинает агриться опять – типа: пиздуй в свою комнату, бла-бла-бла... А я ей – убила! Убила!

МАТЬ: Понимаешь, и он опять начинает... Про того попугайчика... Что я его выбросила тогда на холод. На вину давит. Мне, конечно, очень неприятно, но я пытаюсь сдерживаться последнее время...

СЫН: С размаху мне по губам, как втащит! И с этой клеткой свалила в свою комнату. Смотрю ей вслед и думаю – ну ты жалкая, капец... А потом я бутиков сделал, и с питерской тьян в сети трещал весь вечер .

Диалог 3

Появляются ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи, ты тут?

ТОФФИ: Да, Ворон, привет.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Привет. Как твои дела? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Нихуево. То есть - хорошо. Сегодня отец сделал чучело из волнистого попугайчика.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Прикольно. У меня тоже недавно был зеленый попугайчик. Совсем недолго.

ТОФФИ: Бедный попугайчик...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Да, его съела кошка. Но перед этим он замерз на ветру и упал. Это всё моя мать. Это все она.

ТОФФИ: Может, она не хотела.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Не хочу об этом думать.

ТОФФИ: Ну ладно.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Знаешь, я был сегодня на заброшенном заводе, куда мы с тобой ходим.

ТОФФИ: И что? СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я нашел в камере твою записку. Твои стихи.

ТОФФИ: И... И как тебе?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Они охуительные! В смысле – они прекрасные... Я не все слова, правда, понял. Пришлось гуглить...

ТОФФИ: Спасибо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Как тебе камора? СМАЙЛ.

ТОФФИ: Грязненько.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну да... Слушай... Я хочу сказать тебе. Только это серьезно, ладно?

ТОФФИ: Ладно. СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Это вообще так серьезно, что оно серьезнее самых серьезных вещей.

ТОФФИ: Хорошо.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Я тебя люблю.

ПАУЗА

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи?

ТОФФИ: Я тут.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну вот. *ПАУЗА* Сорян.

ТОФФИ: Нельзя извиняться за такое.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А ты меня?

ТОФФИ: И я тебя.

Монолог 4

МАТЬ расстроена. СЫН мрачен. Они оба оправдываются. ТОФФИ и ТАУЭРСКИЙ ВОРОН переговариваются шепотом.

МАТЬ: Света, ты неправа... Хорошо – Светлана Викторовна, вы не правы. Нет, я не сижу в соцсетях вместо работы – у нас там тоже есть клиенты. Это по работе... Ну если тебе все равно – почему ты... Вы мне тогда выговор объявили? Светлана... Ну... Хорошо... Да, я поняла... Поняла...

СЫН: Да, мать знает... Всё она знает... Ну, Павел Дмитриевич, ну верните мне телефон... Мне по важному делу будут звонить... По семейным обстоятельствам... Да... Я не буду на уроке с ним сидеть – честное слово... Я отключать его на урок буду...

МАТЬ: Прости, что не позвонила... Была занята, да... Подработка, то, сё... Легла в пять утра. Нет, что ты, какой интернет... Дел по горло и без интернета... А так все хорошо, да, спасибо...

СЫН: Привет, мои девять верных подписчиков! Сорямба за то, что видосы выходят так редко. Я, короч, немного не высыпаюсь. Да, я до утра с трещу с девочкой из Питера. Надо хоть немного высыпаться. Ей то хорошо – она ночью не спит... А мне в школу днем... Если вдруг вы ждете моих видосов – то сори... Прошу понять и простить.

Просто у меня такого никогда не было...

Диалог 4

ТОФФИ: ...Он был очень красивый. И сильный. Он, когда умер, я думала, сама умру... Но потом вроде нашла, ради чего жить. Такая вот грустная история.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Такая, ну. Тру готская.

ТОФФИ: Ну вот, мы в расчете. Я типа рассказала тебе историю своей любви...
ГРУСТНЫЙ СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Этот парень тоже был гот? В коже ходил?

ТОФФИ: Нет. Он пиджаки любил.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Понятно.

ТОФФИ: Ворон, слушай, тебе мои стихи нравятся?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Просто огонь стихи, я же говорил.

ТОФФИ: Хочешь еще одно скину? Я недавно написала...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Хочу! СМАЙЛ.

МАТЬ сосредоточенно печатает текст на клавиатуре с бумаги.

ТОФФИ:

Он болтал худыми ногами

С подоконника ее окна,

А она, не веря, держала руками

Его тень, как черный лоскут сукна.

Он рассказывал ей, как искрятся горы,

И блистает на солнце огнями вода,

Когда ты летишь над землей и морем
В его дивный край Никогда - Никогда.

Звнящая фея, глотая слезы,
Их осыпала волшебной пылью.
И меркла поэзия, меркла проза,
Лишь стоило глянуть в ее лицо.

Для полета хватило нескольких горсток,
И они засмеялись, открывая окно.
На ладони тепло серебрился наперсток.
И феины слезы были в сердце его.

Она была чиста и светла, он был чист и светел.
Перед рассветом они покинули дом.
Звали мальчика – Питер, звали девочку – Венди.
Долго плакали окна – о ней и о нем.

ТОФФИ: Ну как?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Какая годнота! Это же по той сказке! Из детства!

ТОФФИ: Да. Понравилось?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Кайф! Особенно последний столбик! Охуеть, Тоффи, ты – настоящий поэт! СМАЙЛ. СМАЙЛ. СМАЙЛ. Балдеж просто!

ТОФФИ: Спасибо. У тебя тоже очень хорошие стихи... СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А я, короч, песню про тебя начал писать. Ну в смысле не про тебя, а для тебя.

ТОФФИ: Вот это да... Мне очень приятно. Много осталось?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Нет, немного...

ТОФФИ: Ты – мой Питер Пэн! СМАЙЛ.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тоффи, я очень тебя жду. Мне прямо сейчас плакать захотелось. Так я тебя увидеть хочу, поговорить...

ТОФФИ: Ворон, я тоже хочу тебя увидеть. Увидеть, как ты выглядишь, как ты дышишь, как улыбаешься.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мы пойдем на завод... Да хотя срать на завод – куда хочешь пойдем! Го в кафе? Го в парк! Там ночью пускают...

ТОФФИ: Я пока не могу...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ты че, серьезно? Ну когда?! Я не могу уже! Ты издеваешься что ли надо мной?

ТОФФИ: Нет, Ворон, ты что!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: А че ты меня морозишь?

ТОФФИ: Ворон, ну пожалуйста, говори со мной пока так. Мне это очень нужно! Мне очень одиноко!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Мне тоже, блять, одиноко! Ты вообще знаешь, че такое одиноко? Помнишь, я тебе про друга единственного рассказывал? С которым мы на заводе чилим?

ТОФФИ. Помню.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Нет никакого друга. Я тупо сижу там в соло в этой камере, как дебик. Читаю там, играю в телефон или кирпичами в стену швыряю. Про друга тебе и ей рассказываю, чтоб не вы подумали, что я хиккан или ёбу дал.

ПАУЗА

ТОФФИ. Ворон, я пришлю тебе подарок на день рождения.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН. Мне не нужен подарок! Мне нужна ты!

ТОФФИ: И ты мне нужен, но... Ну прости меня, ну пожалуйста...

ПАУЗА

ТОФФИ: Ворон?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ок...

ТОФФИ: Давай завтра тут, в это же время...

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Ну ок...

ТОФФИ: Пока!

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Пока.

ТОФФИ: Ты тут?

ПАУЗА

ТОФФИ: Ворон?

ПАУЗА

ТОФФИ: Пока.

Монолог 5

МАТЬ и СЫН в своих комнатах. Над кроватью СЫНА висит гитара. В комнате СЫНА стоит компьютер МАТЕРИ. СЫН пока его не замечает. Присутствует ТАУЭРСКИЙ ВОРОН.

МАТЬ: *(разговаривает с подругой)* Ты знаешь, нет, ни о чем таком мы не разговариваем – так – как дела у него, как дела у меня, то есть у Тоффи... А я стала такая выдумщица... Про эту девочку можно роман писать, и папа у нее чучельник, и солнцебоязнь у нее, ой, обхохочешься... Только ты никому не рассказывай про мой педагогический эксперимент, ладно? Мы общаемся с ним, и общаемся... Хоть так...

Нет, оффлайн все еще ничего не изменилось. Ну, это значит - в реальности. Я пытаюсь какие-то попытки предпринимать, но Костя не идет на контакт. Я ему, например, говорю...

СЫН: *(ведет анонимный видеоблог)* Ну так вот - она мне, например, говорит – давай типа хоть раз пожрем вместе. Думаю – ну камон, ты тупая что ли? Нах нам вместе жрать, если я твою морду не могу видеть – этот взгляд насупленный, типа такая строгая мамуля. И все подкладывает мне подкладывает – чтобы я обожрался – типа любит меня. Отцу тоже все время подкладывала – он все съедал. А я не могу столько жрать. И все равно сидим молчим, мне это надо? Я лучше серик посмотрю под хрючево. Или с петербурженкой моей потрещу. И типа любит, понимаете? Ну, она, не петербурженка. Петербурженка – по-настоящему любит. Так вот, типа жратва – это типа любит она меня. Говорю ей – не хочу с тобой жрать.

МАТЬ: Говорит – не хочу с тобой обедать! *(улыбается)* Строгий такой, настоящий мужчина... Ну, может, и к лучшему – у нас обеды совместные как то не ладятся. Молчим и все. Не о чем говорить. А вот когда в интернете – часами можем говорить. Да, ты не поверишь – вчера просидели в сети до утра опять. Да, да, иногда такое я себе и ему позволяю... Просто общались...

Он мне рассказывал, как мы на море ездили, когда Ваня был жив. Так странно – слушать как он все это воспринимал. Говорил, что даже к Ване меня ревновал немного – у нас тогда с ним очень романтическая поездка получилась, а Костика мы с няней в отеле оставляли...

Ой, ты знаешь, на Костика это общение с Тоффи хорошо влияет. Он стал какой-то осознанный, улыбается чаще. Но мрачный тоже часто ходит... Ну, меньше, чем раньше...

Тоффи ему музыку хорошую советует. Представляешь, он даже Окуджаву послушал, говорит – понравилось...

СЫН: Она мне прикольного певца советского посоветовала – Булата Шавловича Окуджаву. Ну норм такой. Песни нудные, под перебор, но такие, со смыслом.

МАТЬ: Он даже на гитару записался, учится, молодец такой. Песню для Тоффи сочинил, представляешь? Я как-то с магазина прихожу, а он репетирует у себя – я слушаю – а там – «Тоффи! Тоффи!» и голос у него хороший оказался... Ну там песня такая... Ну вообще не важно... Хорошие такие слова... не про алкоголь и не про никотин, как у него в стихах было... Такая, светлая... Да ты знаешь, я тоже изменилась – вспомнила молодость как-то... Стихи начала тоже писать. Представляешь? Стихи! И ты знаешь, у меня неплохо получается вроде...

Только, знаешь, приходится все изошреннее увиливать от встречи... Да, он хочет встретиться с Тоффи. Я уже и солнцебоязнь придумала, и социопатию, а Костик мой все равно пишет – давай встретимся, Иногда требует даже! Представляешь? Да, бывает периодически у него – такие, знаешь, подростковые истерики – когда мы увидимся? Но как-то получается его уговорить – для него это общение тоже очень ценно...

А я запрещаю ему по темноте гулять. Строго контролирую. Поэтому как бы получается такая романтическая история – они – возлюбленные, но он может выходить только днем, а она – только ночью... Ну кто из девчонок не мечтал о чем-то таком – романтическом и трагичном?

Вобщем, интернет – магическая вещь... Завести дружбу с кем-то – это очень просто, да...

А сегодня у него день рождения... Он еще, кажется, не пришел со школы... Я заказала в интернет-магазине книжку ему – курьер вот-вот придет. Это как бы от Тоффи – там книжка, сказка про Питера Пэна, подарочное издание, красивая такая... Там у нас с этой сказкой своя история...

Ой, да, убиралась сегодня целый день... И с ним общалась попутно. Ну, по интернету... Ну да, такая легкая зависимость... Ну как – ноутбук с собой таскала по всей квартире. Где-то его оставила, даже не помню... Устала немного...

СЫН замечает компьютер МАТЕРИ, подходит, включает. Читает в нем переписку.

МАТЬ: Нет, что ты, нет в этом ничего странного. Это же игра такая... Что? Пиджак? Нет, насчет ваниного пиджака я уже не переживаю – зачем? Это же вещь. Просто вещь. Немного улеглось. Я чту Ванину память... Плачу иногда, но уже легче...

СЫН: Когда удаляешь страницу, на автарке остается картинка с головой щенка. Такая серая картинка, бледная. А больше ничего не остается – просто картинка со щенком – и извинения от сайта, что тут никого нет. И белые поля. А у меня щенка никогда не было... Хоть какого – хотя бы чучела, которые делает отец Тоффи. Хотя бы маленького дохлого щенка. Он бы стоял у меня на полке – поднимал бы свою дохлую лапу, склонял бы свою дохлую голову набок, смотрел бы на меня своими дохлыми стеклянными глазами... Но теперь у меня появится щенок. Пусть даже такой – серый, с белыми полями вокруг.

СЫН убивает ТАУЭРСКОГО ВОРОНА

Диалог 5

СЫН открывает окно в своей комнате, шумит. МАТЬ слышит громкие звуки, тревожится.

МАТЬ: Костя! Ты дома?

СЫН становится на подоконник..

МАТЬ: Костя! Что ты там делаешь? Ты слышишь меня?

ПАУЗА

МАТЬ: Костя!

МАТЬ разрушает преграду между их комнатами. ОНА врывается в комнату СЫНА.

МАТЬ: Костя! Стой! Это из-за меня? Костенька!

СЫН: Нет, мама. Это из-за Тоффи. Это все она.

МАТЬ: *(видит свой компьютер)* Ну подожди! Ты узнал? Но что в этом такого?! Прости! Поговори со мной! Костя!

СЫН: Мама, я – попугайчик.

МАТЬ: Пожалуйста! Пожалуйста!

СЫН: Я – не Питер Пэн.

МАТЬ: Сынок!

СЫН: Я тут.

МАТЬ: Извини меня!

СЫН: Нельзя извиняться за такое.

Раздается звонок в дверь.

Затемнение.

В темноте раздаются голоса ТОФФИ и ТАУЭРСКОГО ВОРОНА.

ТОФФИ: Ворон, привет. Ты тут?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Тут. Привет.

ТОФФИ: С днем рождения.

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: Спасибо. Как дела?

ТОФФИ: Хуево. А у тебя?

ТАУЭРСКИЙ ВОРОН: И у меня хуево... Ты же знаешь...

КОНЕЦ